

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ**«Феномен прецедентности и преемственность культур» /****ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова, В. Т. Титов. Воронеж:
Воронежский государственный университет, 2004. — 312 с.****О. И. Быкова***Воронежский государственный университет*

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная авторами из шести городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Воронежа, Перми, Липецка, является плодотворным итогом одной из ступеней общего исследования диалога культур в Воронежском МИОН, обобщением результатов конференции «Феномен прецедентности и культурные традиции», состоявшейся в сентябре 2003 г.

Междисциплинарность, которой пронизан коллективный труд, объединяет различные гуманитарные подходы к феномену прецедентности как в разных способах её проявления, так и в самих процедурах её описания в различных лингвокультурах: русской, ирландской, немецкой, британской — на убедительных примерах художественного, политического и публицистического дискурсов.

Доминирующим взглядом различных авторов на прецедентные феномены (ПФ), вербально представленные в определённой культуре в виде цельных текстов, имён людей, артефактов, ситуаций служит филологический, главным образом литературоведческий и лингвистический подход к анализируемому явлению. Однако в центре внимания исследователей находится текст как комплексный культурно специфический коммуникативный знак, в котором организованы разнообразные системы знаний, способствующие восприятию реципиентом культурно значимой информации, закодированной в тексте.

Отдельным главам монографии предпослано теоретическое Введение «Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов)» (Л. И. Гришаева), где рассматривается ряд узловых проблем для теоретического осмысления прецедентности: сущность, характер, статус, способы и условия активизации, сфера бытования,

способы и средства кодирования в определённой культуре, функции, маркеры в текстах / дискурсах разного типа, критерии выделения ПФ.

Исходной теоретической позицией при определении прецедентности является понимание исследуемого феномена как культурного скрепа, сцепляющего отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему и в синхронии, и в диахронии. Правомерность этой трактовки несомненна. Она отражает сущность ПФ, способного обеспечивать культурную континуальность в синхронии (между отдельными субкультурами) и в диахронии (между различными этапами развития национальной культуры).

Предлагаемый первичный вариант типологии ПФ, представленный в матрице 1 «Типология прецедентных феноменов в дискурсе» (с. 36—37), при всей открытости и условности отдельных параметров, является весомым вкладом в разработку типологии ПФ. На наш взгляд, некоторые параметры, например, «привязка» (однозначная или амбивалентная) как знак апелляции к фундаментальным ценностным ориентирам, «привязка» к определённой исторической эпохе, определённому социальному слою/социальной группе, нуждаются в дальнейшей корректировке. Хочется также выяснить следующее: если источник ПФ неизвестен, то правомерно ли принимать упомянутый параметр за критерий принадлежности ПФ к какой-либо культуре вообще? Целесообразно уточнить, что имеется в виду под культурной идентичностью?

Из намеченных перспектив максимально полного и многоаспектного описания ПФ в общетеоретическом плане наиболее значимыми представляются: 1) описание сложных взаимосвязей между универсальным и специфическим, общим и частным; 2) определение набора ценностей, к которым наиболее часто апеллируют в тех или иных условиях интеракции в конкретной лингво-

культуре; 3) выявление вектора развития культуры определённого типа, как в некоторую эпоху, так и в целом.

Весьма существенно замечание (с. 41) о роли знака для комплекса сведений важных для культуры, актуализируемых в сознании носителей культуры именем прецедента, содержание которого может быть вербальным или невербальным.

Глава 1 «Прецедентные феномены как факт культуры» посвящена определению сущности ПФ. Формы бытования ПФ в художественном произведении заставляют исследователей обратиться к понятию прецедентности в онтологическом плане и соотносить это понятие с художественностью (М. Я. Дымарский). **Художественность-1** присуща искусству архаических культур. Прецедентность в художественности-2 приобретает в искусстве вторичных культур неархаического типа не только изобразительно-характеризующую, но и структурообразующую функцию. Самым существенным выводом М. Я. Дымарского является необходимость отграничения понятий «прецедентность» и «художественность» и признание отсутствия прямолинейных отношений между ними. Всякая попытка к созданию «художественности-п» как прецедента в абсолюте ведет к превращению произведения искусства в чисто интеллектуальную конструкцию, лишённую миметического начала (с. 61—62).

«Прецедентный литературный жанр» (термин, предложенный А. Б. Ботниковой) как факт национального художественного сознания и отдельных художественных структур является определяющим в многовековой истории немецкого «романа становления личности» (от куртуазного романа средневекового поэта В. ф. Эшенбаха «Парцифаль» и до произведений художников XX столетия: Т. Манна, Г. Гессе, Р. Музиля, Г. Грасса), отражающих историю развития немецкого духа на разных его этапах.

Континуальность культурной традиции особенно в кризисные моменты истории нации М. К. Попова доказательно представила на примере кельтского и ирландского литературного возрождения. Анализ лирики, прозы и драматургии Йетса показывает, что гельская культура выступает в роли прецедентного текста в виде свёрнутого имени или развёрнутого до подробного пересказа сюжета.

Источником многоаспектного художественно-публицистического прецедента может быть биографический, событийный прецедент в контексте творчества писателя, наряду с характеристическим

прецедентом (представлением о человеке), словесным прецедентом (прецедентом-цитатой или антицитатой), что определило, по мнению М. Ю. Михеева, своеобразие композиции путевых очерков А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум».

Специфика проявления прецедентности в разных видах коммуникации нашла отражение в рамках: 1) городской коммуникации с её бумом «имянаречений» при детальной классификации городской ономастики, функционирующей в современной российской лингвокультуре (Е. Е. Анисимова); 2) моральной коммуникации с её многообразием форм, маркерами которых служат лексико-семантические, синтаксические, просодические, паравербальные средства (Т. А. Фесенко).

Интересен подход к использованию прецедентности в исследовании В. Б. Гольдберг гиперогипонимической связи элементов «идеогрупп», объединяющих системные лексические единицы (лексикализованные концепты) и нелексикализованные концепты.

С позиций когнитивной лингвистики Л. В. Ланенко рассматривает пословицы в качестве пропозициональных единиц знаний национального лингвокультурного сообщества, прецедентного высказывания. Пословичный знак — сложный знак, моделирующий типовую ситуацию, что обуславливает вопрос о том, может ли пословица интерпретироваться как ПФ.

Продуктивность прецедентности в национальной концептосфере может определяться особо значимым сегментом ментального поля этноса. Так, в лингвокультурологической и ментальной парадигме русского этноса в качестве продуктивного выступает когнитивный классификатор «благо как состояние» (Н. В. Сафонова).

Глава 2 «Функции прецедентных феноменов» акцентирует внимание читателя на выявление реализации текстоорганизующих и текстообразующих потенциалов ПФ в текстах различной жанровой и культурной принадлежности.

Использование прецедентных высказываний в современных российских публицистических текстах свидетельствует о появлении новой языковой личности, свободной от императивной тональности, навязанных кем-то стандартных решений, сознательно использующей игру на «понижение», иронию, превращающую «ранее каноническое утверждение в сомнительный факт» (Е. В. Милосердова).

Новые ПФ порождаются при движении текста сквозь время и пространство. Изменение состава

национальных прецедентных текстов и их роль в политическом дискурсе, полиинтерпретируемость, многоуровневость, уникальная система ассоциаций, вызываемых использованием ПФ характеры для современного российского публицистического дискурса (В. О. Алексеева).

Порождение имплицитного значения при цитировании крылатых выражений, афоризмов, пословиц, непосредственная связь цитации с моральной оценкой, ситуативность и полиинтерпретируемость цитат усиливает прагматическое воздействие ПФ, стремление говорящего к неконфликтности в не прямой коммуникации (Н. А. Михайлова).

Многоплановость прецедентных текстов на разных уровнях художественного произведения (языковом, образа героя, сюжета и жанра) служит основой для реконструкции идейного замысла автора (А. Э. Воротникова). Прецедентность в художественном тексте может осуществляться на уровне тематики романа в определённую эпоху, апелляции к прецедентным концептам библейского текста, выполняющим сюжетомаркирующую и генерализирующую функции (О. А. Дронова), путём деформации и трансформации исходного библейского текста (Е. М. Лукинова).

Художественный феномен, «народная (казачья) песня», в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» входит в национальное коммуникативное поле произведения и отражает базовые ценности национальной картины мира (Н. Ю. Желтова).

Людическая (игровая) функция ПФ может быть определённой в произведении. Она обеспечивает полиинтерпретируемость образа, связанного с прецедентным, «чужим» словом. Для её реализации характерно: 1) проявление на разных уровнях художественного мира и 2) соотнесённость с другими функциями ПФ. В «названиях и жанровых дефинициях художественных произведений она сочетается с номинативной, парольной и персуазивной функциями прецедентов» (с. 197). Сфера игры внутритекстовыми и внетекстовыми аспектами убедительно проиллюстрирована Н. Л. Потаниной на примере «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса.

Культурноспецифический способ кодирования ПФ в художественной культуре военного времени 1914—1918 гг. исследован А. И. Ивановым. Лубок как ПФ русской культуры был использован символом Ф. Сологубом при становлении гражданской поэзии. Сложный и многослойный пласт лубочной культуры — особое звено между фольклором и профессиональным искусством.

В главе 3 «Условия и сфера бытования прецедентных феноменов» изложены результаты анализа эмпирического материала с точки зрения длительности бытования и степени актуальности ПФ в лингвокультуре.

Викторианство — один из самых мощных «скреп» английской культуры, единый комплекс материальных и духовных ценностей, определяет менталитет нации как континуума. Это в определении В. М. Проскурина «огромный прецедентный текст» (с. 214), сыгравший решающую роль в формировании онтогенеза современной английской нации. Примером прецедентного текста этой эпохи служит средневековая легенда о короле Артуре, новые литературные интерпретации которой появляются в «артуриане» произведений современных английских авторов. Интенция обращения к данному типу прецедентного текста, его развитие и модификация — это стремление возродить нравственные и духовные ценности ушедших средневековых идеалов (Ж. Л. Ширяева).

В индивидуально-авторской картине мира какой-либо ПФ чужой культуры может претерпевать изменение коннотативного потенциала. В эпистолярном жанре Ч. Диккенса ПФ «Франция» существенно отличается коннотация трактовки «французского», типичная для концептосферы англичан в силу элиминации негативной оценки (С. В. Кончакова).

Жанр как прецедентный текст, опора в духовном наследии нации, функционирует в той или иной системе представлений различных авторов. В английском романе 1950—1960 гг. на колониальную тему заложена традиция Р. Кипплинга. Однако, замечает С. Н. Филюшкина, прочитанные сквозь призму кипплинговского текста колониалистские романы обнаруживают тенденциозность в осмысливании конфликта и неостребованность глубины творчества Кипплинга, что искажает исторический смысл событий мирового масштаба.

Динамичность ПФ при трансформации ценностных ориентиров, творческое освоение логосферных знаков, культурных кодов эпохи в сложнейший период российской истории — накануне ломки старой социальной системы и распада СССР — выделяют в русском постмодернизме позднюю прозу В. Максимова (И. М. Попова).

Функциональной доминантой прецедентных текстов в журналистской полемике в публикациях современной российской прессы является прагматическая функция: доказать истинность позиции автора и ложность позиции противника,

абсурдность описываемой ситуации (А. М. Шестернина).

На усиление роли прецедента в рекламном тексте указывает Г. Ф. Ковалёв, усматривая причины этого явления в увеличивающемся объёме информации, требующем минимизации материала. Прецедентные единицы «помогают переводить новую информацию в разряд информации усвоенной» (с. 288), создавая при этом двуплановость и многоплановость восприятия.

Многоструктурность информационного поля в графической форме аргю, в татуировке как модели семиосферы преступного мира, иконических, индексальных и символических знаков субкультуры (тотемная символика, геометрические формы, рисунков, цитации, аббревиатуры), особым образом закодированного текста обладает большим прагматическим потенциалом (Н. Н. Шарандина). В качестве основных функций выступают социальные функции: показать социальную принадлежность, установить контакты с представителями субкультуры, содействовать в выборе стратегии поведения с членами сообщества.

Но наряду с тем положительным, что обнаруживают прецедентные тексты и несомненными достоинствами прецедентности в приобщении носителей языка к знаниям, накопленным народом, осмысливании им принципов и правил поведения в обществе, необходимо обращать внимание на опасности, которые сопровождают усиливающуюся прецедентность (В. Г. Руделёв). Одну из таких опасностей В. Г. Руделёв видит в «междометиза-

ции» текстов (с. 252), когда смысл становится далёким от первоначального, заложенного при создании текста, или противоположным ему; при этом теряется дискретность текста. Это касается, в частности «Слова о полку Игореве», дошедшем до нас в очень деформированном виде, но как памятник поэзии нуждающемся в реконструкции его первоначальной высокопоэтичности.

Монография отличается логической композицией глав и выводов к ним. Выводы и Заключение дополняют основные постулаты прецедентности следующими положениями: наличие в ПФ динамического и статического начала, способность ПФ к трансформациям в своей неядерной части, бытование в культуре в форме полипропозициональных образований — текстов различных жанров и типов, тенденция к отсутствию полиинтерпретируемости ПФ коллективным субъектом, наличие функциональных аналогов при межкультурно ориентированном изучении ПФ.

Таким образом, расширяется диапазон исследовательских интересов применительно к теории прецедентности. Результаты изучения ПФ в филологическом ракурсе дают материал для более глубоких обобщений в философии и культурологии. Очень своевременна востребованность изложенных изысканий при научно-исследовательской работе преподавателей, аспирантов, студентов, а также широким кругом читателей, желающих сохранять и обогащать свою культурную память, ознакомиться с культурными константами других культур.